

18+

Макс Квант

В кривом
эфире

СММиная история

Макс Квант

**В кривом эфире.
СМИшная история**

«Издательские решения»

Квант М.

В кривом эфире. СМИшная история / М. Квант — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517339-3

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В день выборов провинциальный телеканал решает перебить рейтинги, выпустив неполитическое ток-шоу. Однако расследование дела человека, потерявшего память, ведущееся журналисткой Юноной Ягловой и монтажёром Кириллом Веранщуксом, неожиданно втягивает их в политические интриги вокруг мэра города, связи с мафией и городской элитой. Книга написана от переживаний работы монтажёром на новосибирском канале. Многие персонажи и ситуации имеют реальные основы.

ISBN 978-5-00-517339-3

© Квант М.

© Издательские решения

Содержание

Рендер/00:02:01:07	6
Перебивка №4: Сон «За пригоршню рубликов»	9
Съёмка/00:00:00:07	10
Съёмка/00:00:00:09	12
Рендер/00:02:01:12	15
Съёмка/00:00:00:11	18
Съёмка/00:00:00:14	20
Рендер/00:02:01:14	24
Монтаж/00:01:12:17	25
Рендер/00:02:01:16	27
Монтаж/00:01:13:02	30
Рендер/00:02:01:19	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

В кривом эфире СМИшная история

Макс Квант

Дизайнер обложки Пауль Клее

© Макс Квант, 2020

© Пауль Клее, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-7339-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все события носят вымышленный характер и лишь изредка вмонтируются реальные происшествия, ценность оных, впрочем, от этого не падает. Автор благодарит прототипов героев за несносный прототипизм.

Ходящий на задних лапках не может встать на дыбы.

Юрий Базылев

Рендер/00:02:01:07

Принял отчего-то мой Морфей чудовищные очертания, ослабил, ощерился, выпустил колючки – никак не желая принимать меня в свои объятия да показывая в отместку кошмары один хуже другого. То из «Психо» кадры полезут, то из «Плетёного человека», а в последний раз возник отчего-то цветной «План номер девять из дальнего космоса»... Даже Бело Лугоши выглядел таким радужным и оттого совсем не страшным. Сон – это тот же монтаж! В первой фазе мозг грабит¹ увиденное за день, во второй перебирает материал, подгоняет масштаб, высветляет картинку, если надо инвертирует или зеркалит изображение, в третьей монтирует и, наконец – в самой короткой – вам показывают готовое видео, сведённый звук и наложенные титры. Вот так всегда: долго запрягают и быстро едут. Мои сны, моя явь, моя жизнь – это же фильм-панк! Эх, «02 SUMMERTIME.mp3» юноше, ворочающемуся на старом топчане, на всю сумму...

После таких вот клипушников, часов с пяти я и крутился с боку на бок... Юна и сама во сне что-то кому-то рассказывала – профессиональное ж...

Не в силах больше терпеть бессонницы, я поднялся и в одних трусах вылез в Интернет... (Ну, что ж, из песни слова не выкинешь!) Рука моя нащупывала уже давно знакомые страницы: заведённые мною же темы на форумах, Интернет-дневники, социальные сетки, группы по интересам, фотоальбомы, видеоблоги... Интернет бурлил, всем хотелось узнать тайну человека без памяти... Не обошлось без «боянов» и «отстоев» – куда ж без них-то? Но смотреть будут и эти мизантропы, хотя бы из любопытства! Тут же кто-то спрашивал, про Интернет-трансляцию шоу... Параллельно некто открыл тему про дециметровые антенны да как лучше им поймать тридцать седьмой канал, покупайте их у нас и только у нас... Люди в тот день как-то совсем позабыли про главный Перевыбор года в городе, в стране... Своё будущее все знают: лучше будет, но не всем, будет плохо, но не всем, мир куда-то движется, но некоторых выносит на обочину в этом круговороте. А вот мужик без памяти, он же реальный! Его можно увидеть, услышать, пощупать, поддержать с ним беседу, выпить-закусить... Он же, как мы с вами, чёрт подери! Человек из народа – от сохи и от плуга! Не тот Президент с ирреальной биографией (думаю, он и сам посмеивается над собранными командой пиарщиков фактами, но иначе нельзя: порядок таков, ты Президент Сверхдержавы или кто?). Не этот полуседой старикан мэр, семейка его так и просится в какой-нибудь латиноамериканский сериальчик, про сильно богатых и сильно несчастных! Любят зрители наблюдать на голубом экране своего соседа по площадке, коллегу, с кем делится столом, своих родных, себя. Со времён фрекен Бок все хотят попасть в маленькую коробочку, день ото дня становящуюся всё уже и уже, лучше бы в другие коробки засовывались и про них бы тоже узнавали миллионы... То-то всякие реалити-шоу да викторины с вопросами из курса начальной школы рвут на клочки рейтинги самых дорогих блокбастеров. Телевизор даёт повод каждому набить оскомину ближнему, гордится до конца жизни мелким планом длиной в несколько кадров да возомнить себя неким супер-пупер популярным, важным да нужным, при том и пальцем о палец не ударять, на диванчике мирно наполняя пузо пивом!..

– Как тебе спалось? – сонно спрашивает Юна, востормошив свой рыжий ёжик (вчера она укоротила шевелюру, хотя я предупреждал: по старой студенческой примете стричься перед важными событиями не стоит).

– Лучше не спрашивай... Ужасающий фильм-панк какой-то снился...

– А я во сне бегала за тем работягой... ну за гостем нашим...

– Догнала?

¹ Непонятный термины можете найти в словаре в конце романа.

– А то как же?! Куда он от Юноны Алексеевны денется?.. А потом он плакался у меня на плече...

– На плече? – вскинув бровь, строго вопрошаю я.

– Что за сцены ревности, милый?.. – она кошечкой вытягивается на топчане. – У нас не День Ревности сегодня... Тебе не мешает сегодня галочку в квадратике проставить.

– А смысл, Юн? Выборы Олейников выиграет, даже если отпечатают-таки в бюллетенях квадратик «Против мэра»... И, поди, будет как в прошлый раз: 99,9 процентов за Степана Филипповича, а с этой одной десятой уже разбираются компетентные органы...

Она вдруг садится и, подобрав коленки, всматривается в настоящие зимние узоры на окне.

– Ты чего?

– Теперь вандалы жгут храмы, бьют вазы, направляют «Боинги» на шедевры архитектуры, а мы с тобой поломаем чужой бизнес, Королешко-то наш изголодается! Мы же поссорим Короля с Дядей Стёпой...

– Тоже мне дружбаны, скажешь ещё. Сначала двумя видеосалонами заведовали, полосатыми «Американскими ниндзями» да «Жаждами смерти» перебивали друг у друга бессмысленную поросль... А потом как разошлись, разошлись... Один поднакопил денег да ушёл в политику, другой купил себе кнопку дециметровую и теперь с ней как собака на сене... И только Олейников нашего Кудукова заметил, когда в титрах «администрацию» без «т» написали...

– Админис... – и Юнка залилась хрустальным смехом.

– Что смеёшься? Это правда! Мне Илюха рассказывал... Потом ещё Олейников какими-то переговорами с заведующим по радиочастотам (наверняка его троюродный дядя) чуть лицензию тридцать седьмому не прикрыл. А Король наш с виду-то грозный, но перед какими чиновниками лапки вверх поднимать – знает очень хорошо... Вот и поступило две бумажки: одна про отзыв лицензии на частоту, другая от мэра с предложением дружбы...

– Так я и знала... Сущность любого шефа легко кристаллизуется из его подчинённых: тут тебе и запуганные менеджеры, и комплексующий Шут, и исполнительный неизобретательный Портняжка, как гончая глядящий благодарно на хозяина (чего он думает, то и я), да Королева – грозная, но тупая... – вдруг она хватает нож с тумбочки и целит им в меня. – И если мы всковырнём ЭТО непроницаемое каменное личико, то обнаружим маленького запуганного человечка, сросшегося со своей шинелью. Он и байки да ролики покупает для виду больше... Чтобы повыше в глазах окружающих казаться... Кирилл, может, шефа убьём? – задумчиво заканчивает она, невинно поигрывая ножичком.

– А ты думаешь, все забыли римскую традицию при убийстве рабом хозяина – казнить весь невольный пролетариат?

– Сомневаюсь... – вздыхает она и кладёт наконец-то нож на место – облегчённый вздох из груди своей я подавил. – Сегодня все узнают, отчего наш город: самый благоустроенный в России...

– Наш мэр своё благо лучше всех устроил!.. Мы уже растрезвонили про это шоу во все колокола, дали рекламу на всех сарафанных радиостанциях. Нам теперь отступать некуда, Юна! Каждый, имеющий ящик с дециметром в радиусе тридцати километров да включит его непременно!.. И выход у нас один: «Выхода нет!»

– Выхода нет... – вскакивает она с топчана. – Мне вручили раздачу голосков... Уж не знаю отчего.

– А у меня есть выход пооригинальней! – пожав плечами, отвечаю я.

– И мы держимся вместе, что бы ни случилось, – подбирается она ко мне вплотную, я ощущаю даже стук её сердца... учащённо бьётся миокард, да медленно вздымается грудь...

– Точно, – киваю я. – Всё будет хорошо... – и руки мои сходятся у неё на спине.

– Но пасаран!

– Яволь, майн фюрер... Юнона, мне даже завидно: такой замечательный человек, как я, у тебя есть, а у меня-то меня нет!

– А мы тебя как-нибудь клонируем... – сопит она. – Нам телевизионщикам это просто: убрать или добавить человека...

Перебивка №4: Сон «За пригоршню рубликов»

Камера медленно сползает вниз, выхватывая из окружающего пространства деревянную улицу городка Дикого Запада... Да в кадр наконец попадаю и я... Собственной персоной, в кино такое возможно: находиться по обе стороны объектива. И на дальнем размазанном плане мы замечаем чьё-то движение – фокус переходит на ковбоя вдалеке... Этот небритый да побитый жизнью гринго – злодей. Аккорды «Ennio Morricone – The Man With The Harmonica.mp3» неистовствуют, казалось, вот-вот и в хлам разорвут барабанные перепонки, лёгкий ветерок футболил туда-сюда перекаати-поле, а протёртая ветрами до дыр шляпа моя приветственно приподнимается.

– Значит, ты тот, кто назначает встречи? – грозно прищурившись (тут крупный план), заявляет мой противник.

– Значит, ты тот, кто на них не приходит? – нагло спрашиваю я, поправляя пончо.

– Как можно доверять человеку, который одновременно надевает подтяжки и ремень? Человек не доверяет даже собственным штанам!.. – гоняя спичку в зубах, отвечает ковбой.

Камера проходится по окнам: кто-то осторожно выглядывает сквозь сомкнутые ставни, кто-то выставляет наружу ствол «Винчестера», но не знает в кого целить, и лишь смелые мисс из салуна, перегнувшись через парапет балкона второго этажа, ожидают развязки нашей стычки.

– Здесь все становятся либо очень богатыми, либо очень мертвыми, – поправляя пистолетным дулом шляпу, замечает гринго.

– Большой город – это для быстрых мужчин и больших женщин, – расстегнув пончо, отвечаю я. Тут ещё планчик издали сквозь звенящие на ветру коричневые бутылки.

– Я уже видел три таких плаща сегодня. Внутри плащей были три человека. Внутри людей были три пули! – заявляет он, поигрывая чёрной стальной машинкой с коряво нацарапанными на ручке буквами: «Mr. Colt».

Сам собою мой кольт выскакивает из кобуры да влетает в руку мою... Пуля свистит прямо над головой свернувшегося гринго, и вот пол-унции свинца уже свистят ко мне...

Меня прошивает насквозь, кровь разлетелась в пыль, но отчего-то не красная, а лиловая, зелёная, иссиние-оранжевая, да какая угодно, только не красная! Левая рука плетью свешивается и, преодолевая боль, я посылаю гринго ещё два подарочка... В груди его стало одним отверстием больше... Подняв столб пыли, мой соперник прикладывается к земле-матушке...

– Вместо того, чтобы говорить, он играет. А когда ему следовало бы играть, он говорит, – подхожу я к гринго, разноцветная кровяная так и хлещет из моего плеча, но я даже платка к ране не прикладываю.

В окнах уже появились первые робкие мордочки, а ствол ружья давно спрятался – хозяин салуна собственноручно возник на крыльце заведения.

Я склоняюсь над своим противником и оправляю его куртку... Блестит чугун с новой впадинкой да дымящейся пулей по центру. Щёлк! Поднимается Мистер Кольт – лучший друг гринго. Распахиваются и тут же щурятся полупьяные глазёнки. Щёлк! Камера запечатлевает мой донельзя удивлённый взгляд самым крупным планом.

Снизу вылезла плашка: «Вы смотрите кошмар», а потом «Далее: пробуждение в холодном поту»...

Съёмка/00:00:00:07

Веки мои расходятся как шторы и зрачок мгновенно сокращается, как ирисовая диафрагма. Всё это похоже на первые кадры «Обитатели зла»... С той лишь разницей, что камера сейчас не отъедет, обнаружив меня голым в душе... Нет-нет, я возлегаю на самом ординарном диване даже слегка одетый, а в голове у меня играет «09-Сен-Санс_Пляска смерти.mp3»... К чему бы это? К чему поутру играет классика? И обратиться ж не к кому... Придумали вот сонники про сны, толкователи карт Таро, кофейных гуш да ромашек. Отчего же нет глючников?.. Нет-нет, не торопитесь, я залезал в Интернет – не продают! А я меняю пластинку – кладу на слой music файл «18-Тарантелла.mp3» из папки «Микаэль Таривердиев» и встречаю новый день... ещё один день...

Пару лет назад проводили по всему миру опрос: «Вы довольны своей жизнью?» И восемьдесят процентов ответили грустное «нет»... А это по всей планете без малого пять миллиардов сорокашестихромосомных особей, как-никак... «Надоело это, надоело это, надоело это, надоело это... всю посуду переколочу!» – тараторит вечноюная Пугачёва.

И бац! Из рук моих вылетает небьющаяся (по ценнику) кружка – и её вечность оказалась мнимой... Опасливо озираясь на дверь хозяйской комнаты, я сгребая покойницу-предательницу в мусорное ведро. «А я ем яблоко и смотрю в окно...» День обещает солнце, но где-то там, на горизонте, над белесым лесом, у этой уродской синей иглы центра продающего не понять что и не понять кому, в тех даях уже собираются тучи. Вот бы они сгрудились вокруг этого гнезда чистогана, да навели архитектурную справедливость...

«А я ем яблоко и смотрю в окно...» Давным-давно мне казалось, что жизнь моя, как фильм... А потом Великий Монтажёр возьмёт в руки ножницы, вырежет из съёмочного материала всё лишнее. Все эти неприятные моменты, неудачи, физиологические надобности да рутины... проведёт цветокоррекцию: чёрное станет серым, а белое обретёт цвет, между жизненными коллизиями проложит переходики, а кое-где прорежет мою худошавую фигурку да на фон раскинет эпохальные панорамы Рима или Нью-Йорка... Выйдет же неплохой, но абсолютно бессюжетный фильм? Да жизнь сама сюжетом не обладает! Человеку всё время хочется другого! То перестать ходить в детский сад, то побыстрее закончить школу, то побыстрее начать работать, то побыстрее дождаться воскресенья... а затем всё сводится к постоянным вопросам «Когда ж я схожну, наконец?» Ужатое до девяноста минут видео с такой вот биографией выглядит сумбурно – самый сухой некролог и тот покажется обстоятельным эссе... Человек за минуты вырастает да дряхлеет, пролетают сплошной лентой дни и ничего не происходит. Лишь главный герой стареет, лишь жизнь его да дом заполняются хламом... Сюжета нет! Всё завершится смертью, кружок ириса сойдётся на мёртвой физиономии и лишь слово «КОНЕЦ» зазияет посередине кадра! «В общем, все умерли...» Мало кто может всю жизнь вырубать одну скульптуру (а мы бы потом глядели, как из скалы вырастает Будда) или же всю жизнь строить дом... Мир уже перерос такие черепаши темпы. Жизнь наша не стоит ни скульптур, ни домов, ни картин, ни садов... Она бесценна – ни шиша не стоит! Особенно, если не поворачивать бессюжетный свой фильм... Когда-то мне казалось, что фильм моей жизни заинтересует широкоэкранный зритель, в пустом зале да с девушкой в обнимку... В те годы я рос как на дрожжах и каждый день казался мне новым миром... Однако я вырос и познал пресное слово «рутина»... Теперь я в ней и живу, сведя свои желания до «хочу домой с работы» и «хочу получать больше»...

«Надоело это, надоело это, надоело это...» Меняем сюжет бессюжетности существования! Хватаем скорей себя за уши и вылезаем из ямы! Надо что-то менять! И я займусь наконец спортом, брошу что-нибудь (прямо как наш шеф), сменю ник в аське и блогах, и начну всё с чистого листа! Я наложу на свою жизнь эффекты, добавлю новые слои, задеру контраст

и яркость донельзя, так всё заскалю, что зерно повывлезет!.. На свой монтажный стол выткаю маркер и надписываю: «Точка поворота здесь и сейчас»... Время по нулям и семь кадров от начала – всё повернётся, верьте мне, монтажёру своей жизни!..

Съёмка/00:00:00:09

Всяк видевший хоть «Ну, погоди!» или же другой опус, воспевший светлый мир телевидения, представит себе массивное «бразильское» здание с торчащим хвостиком телебашни (как в Останкино), заполненное доверху техникой, источенное бесконечными переходами, где до сих пор бродит гость с юга. «Люди! Ау!..» А в этом муравейнике суетятся ведущие, продюсеры, операторы, режиссёры, монтажёры, ассистенты, гримёры, непригодная массовка в нарядах с блёстками, работники самодеятельности с треском выгнанные с утреннего шоу, звёзды, приглашённые на интервью да прочая интеллигентная шушера. Самый подходящий саундтрек – «Brazil-Central Services/The Office.mp3», его и покладём на слой music, пусть наша шарага – обман чистой воды...

Сдуйте в своём воображении мечту о рассаднике телесигнала, ужмите её, утрамбуйте, припрыгните сверху, прокатитесь туда-сюда катком и добавьте сакраментальную телефонную фразу наших менеджеров: «Ну, там такая большая помойка будет, налево свернёте – и наши двери перед вами!» И оп-ля! Перед вами и возникнет снятое у государства здание с сомнительной историей – мы до сих пор находим те или иные приветы из прошлого (то витиеватые надписи на суахили на крыше, то кандалы в подвале) – здесь и обитает тридцать седьмой канал, оплот местных новостей, теле-шоу и прочих фишек, без которых жизнь нашего города стала ох какой промосковской...

Узкими коридорами, попеременно натываясь на снующих туда-сюда менеджеров, да спотыкаясь о чужие столы, да отпинывая лежащие там и тут чужие сумки, я прохожу мимо стола Виталика (он листает свою видеокнигу непонятного содержания, сколько строчек в глаза мне не попадает: то на Коран похоже, то на нечто гламурное), пустующего стола шеф-редактора Яны (она нервно курит на крыльце, держа на весу стопку текстов, сочинённых господами придворными). И, рухнув в кресло, подкатившись поближе к кривоватому столику, ногой врубаю комп, а ручками уже выставляю болтики – этакая фаллическая символика, периодически вываливающаяся из моей машинки, да никак админом не востребованная... Системный администратор Кося, кстати, восседает у меня за спиной и, как всякий талантливый администратор, – играет в новую сетевую игрушку... Это бездари летают туда-сюда по офису, воздеявая руки к небу, поднимая на хрупких плечах сетку, доламывая нерадивым манагерам системы да отключая всем подряд сайты, где ещё интересно... Талант же возлегает мирно и только за зарплату расписываться покидает лежбище...

Впрочем, прочитав накопившуюся почту, аську да проглядев наспех форумы, я поднимаюсь, вдавив в стену и без того худого Косю, да шлёпаю к шефу, а в голове отчего-то шумит «13-Orient Express.mp3» от Бориса Ковача.

– Александр Дмитриевич? – робко постучав по стенке импровизированного шефовского кабинета, напрашиваюсь в посетители я.

– Да, Кирилл... – вытащив-таки палец из носа, поднимает он глаза. Шеф у нас такой: каждый год что-то да бросает: то пить, то вышвыривает из своей речи слова-паразиты, то перестанет теревить носовой платочек во время переговоров, то грубо выразиться отучится... Это вам не твеновские десять раз курить бросить – всё чётко и сразу, сказал как отрезал! На этот год в ежегоднике намечено искоренить ковыряние в носу. Эх, юность такая бурная, что на всю оставшуюся жизнь хватит от неё избавляться.

– Я хочу стать журналистом.

Брови Короля совершают немыслимую тарантеллу, лицо вдруг смягчается и голос озадачено вопрошает:

– Почему?

– Мне надоело сидеть в жарком маленьком техническом отделе, только и видя мир с экрана монитора, мне надоело это наплевательское отношение ко мне как к инструменту, прокладкой между журналистом и компьютером, мне надоело...

– Кирилл... – чуть не заикаясь, перебивает меня Король самыми студёными интонациями. – Жизнь журналиста не так проста...

– Но я не вижу просвета в своей жизни, поймите. Всё время монтировать чужое? Новости узнавая из сюжетов? Я хочу бегать с микрофоном по полям и весям, хочу искать тайны, хочу рассказывать о них людям... Я ведь кинорежиссёр по диплому, а не какой-то там монтажёр! «Вот тебе на и сделай из этого дерьма конфетку!!!» Я способен и на большее!..

– Нет! – отрезает он.

– Почему?

– Нет и всё... – пожимая плечами, отвечает он.

– Вы больше не найдёте такого идиота на монтаж?

– И это тоже, – уклончиво отвечает он.

– Ну наши же журналисты не справляются с десятью сюжетами в день...

– Кто вам такое сказал, Кирилл? – в ужасе лепечет Король. – Нам хватает журналистов и новых не надо. А то, что некоторые до двух тысяч двухсот² работают – это их личное дело, я их лично не заставляю...

– Или вам не нужен талантливый журналист?

– Нужен, но...

– Но, что? – буквально кричу я. – Александр Дмитриевич, чем я вас прогневал? Где я допустил ошибку? Александр Дмитриевич, я изобрету машину времени, вернусь в тот момент и отомщу за вас себе...

Но вдруг на столе затряслась простенькая мобила шефа да запела «Песенку Рыбы-пилы». «Это дело я люблю, это дело я люблю – всё на свете я пилю...»

– Да, дорогая, – хватается он телефон да властным жестом отправляет меня прочь – аудиенция окончена.

Спорить с ним сложно... но... Но это не тот случай... И я иду (но не работать) ... вспоминая на ходу как правильно пишутся слова «заявление» и «уволить»...

И вот как только я сминаю в корзину очередной лист: слова, инициалы и аббревиатуры путаются – не умею я заполнять бумаженции... На плечо моё падает наманикюренная ручка Яны Неклюдовой, имеющей привычку каждое утро спрашивать меня одно и то же: «Я к тебе вчера подходила? А то у меня написано...» Шеф-редакторские заискивающе пальчики поигрывают по моим скудным мышцам, пытаюсь найти в них хоть что-то...

– Вот и смерть моя пришла, – воздев очи к зеленоватому янинному лицу, изрекаю я. – Господи, какая у меня прекрасная смерть!..

К уголкам губ её улыбка и не прикоснулась – не в настроении жинка.

– У нас ЧП... – холодно заявляет она.

– Ты ко мне вчера заходила... – хватаюсь я снова за ручку.

– Я не про то... Возьмёшь девочку?..

– Ну не при всех же... – покраснев отвечаю я.

– Хватит ломаться, пошляк... – шипит змейка-Яна. – Шарин опаздывает, а девочка ждать не может...

– Кого? – вздыхаю я, сворачивая в трубочку очередное «заявление».

– Новенькую. Хозяйку медной копны... Юнону, – теплеет шеф-редакторша, даже лицо приобретает свойственные живому человеку цвета.

– Конечно, возьму, о, самая прекраснейшая из змеюк!

² До 22:00, то есть – это у шефа манера такая время в деньги переводить.

– Я тебе... – шипит вновь она, сильнее впиваясь в плечико моё... вот-вот ногти её там и встретятся... – Камеру в руки и мигом!

– Что «мигом»? Свет на чём-то клином у вас сошёлся?

– У нас вся жизнь в клиньях... – ласково пихает она меня в бок.

Схватив в одну руку сумку с камерой, в другую – зачехлённый штатив, я несусь как рыцарь при копье и щите, пробегая мимо разнорабочего Антоши (голыми пальцами хватающего оголённые провода да мурлыча себе под нос: «Isolation – Is not good for me, Isolation – I don't want to sit on a lemon tree...»³). Я вылетаю во двор, там, рядом с «Жигулёнком», нервно покуривает наш водитель Сеня.

– Сукин пупсик, сколько ждать ещё, Вадим?! – высовывается из окошка машины рыжая конопатая головка.

– Я не Вадим, а вы, как я понимаю, Авось? – усаживаясь на заднее сиденье, спрашиваю я.

– Тогда вы – Мефодий! – изрекает журналижка. – Всё логично в этом мире...

– Истинно...

– Трогай, Сеня... И так, поди, мимо пролетим... Всё из-за этих нерасторопных... – кинув острый взгляд в мою сторону, замечает она.

– Э-э... Я не банальный камерамэн... – уворачиваюсь от колючек я. – Камера – не мой инструмент, а так, пустячок в руках...

– Одна петрушка – прокладка между журналистом и этим... как его там?..

³ Приказ на этот ремонт поразил даже видавшего виды Илью: когда заискрила лампа, шеф попросил провести анализ ситуации. Не склонный к бюрократии Антон принёс бумагу с двумя словами: «Короткое замыкание», в ответ на что была наложена резолюция «Удлинить замыкание».

Рендер/00:02:01:12

Всякое воскресное утро в любом рабочем городе – день пропащий. Идя по опустевшим улицам, насмотревшийся ужасов тинейджер, ожидает из переулков внезапного нападения зомби: «Нам нужен твой мозг!..» Мне же отчего-то кажется: жители попрятались и ждут, когда наша финальная схватка со злым гринго завершится победой Добра... Однако шевеление началось ещё на подходе к серому кубуку телевизионного здания, на крыше оно, кстати, который год пылятся большие синие цифры «37», некогда выкорчёванные с мясом ураганом да так и не водружённые на место по причине безденежья. Отовсюду съезжались на своих малолитражных бешенных табуретках менеджерши, тут же стоял и новый навороченный джип Портняжки (уж и не знаю как, но ежемесячно он менял машину на более крутую) – массовка собиралась! Ну и аккуратно припарковалась серебристая «Тойота» Королевы. Однако я не видел ни роликов, ни байка августейшего монарха нашего. Уж не пропал ли с этими своими запоями?..

У домофонной кнопки шальной ветерок донёс до меня перегар – за спиной, залив поутру шары, стоял вовсе не Король, а голос канала – Сергей Бондарь – (бренд-вокс, по-нашему, по-официальному). При первой нашей встрече с ЭТИМ, обычно стоящим за озвучкой тридцать седьмой кнопки (впрочем, и не только нашей – звуковой, и местами даже графической, рекламы всего города), в тот день я понял: голос пропить нельзя, это сказки наркологов и ревнующих к бутылке жён. Как талантливо пил наш бренд-вокс, так он талантливо и озвучивал... И, будучи с большого бодуна, с лёгкостью мог прочесть практически любой текст максимум со второго дубля. Интересно, к чему его Королева пригласила? В лицо-то бренд-вокс мало кто узнает, а вот ежели рот раскроет! Но разве может этот синий сморчок связать пару слов на здоровом русском?..

– Доброе утро, Сергей... – строю умильную рожу я. – А вы на шоу?

Бондарь поднимает залитые очи сначала к укрытому серой пеленой осенних туч солнцу, затем к моей физии и утвердительно кивает; ему повезёт, если до своего кресла доберётся... Поди, за сидение Королевна пообещала ему стандартные три сотни, как за лист начитанного текста, а вечером эту бешенную сумму он и пропьёт в ближайшей пивной да ещё стрельнёт у кого на закусон...

У шкафа я раздеваюсь, оправляю шевелюру да расправляю кондовую майку свою и, проходя мимо боевого листка, в очередной раз разочаровываюсь: нет столь необходимых мне объявлений: №1 «В связи с хорошим поведением, отправить Веранщук К. Ф. в туристическую поездку в Исландию за счёт компании» и, учитывая «щедрость» Короля: №2 «Вчера после недолгого и непродолжительного приступа щедрости скоропостижно скончался...» Впрочем, в голове моей уже гудит музыка Морриконе «02 – Al Capone.mp3» из «Неприкасаемых»...

А в студии уже занимают места наши менеджеры, но их здесь же сгоняет со стульев Портняжка и следом зачехляет спинки в брендовую драпировку. Антоха (по мифам выпускник художественной школы) тут же на полу расписывает принцевыми фломастерами логотип «Токшоу с Марией Лимарёвой» – щедро разукрашенный ватман всё время выгибается чашкой, но живописец чуть что – пригвозждает непокорный краешек то гаечкой, то ключиком из бесчисленных карманов комбинезона. Тяжело ступая да напевая что-то неопределённое, с кипой сценария бегают Дылда в своём вечном потёртом жизнью свитере. А Лёша Бузатов – властелин пульта – играет с кнопками, попеременно проверяя связь с каждой из камер: одна снимает дальний на штативе, за двумя ещё два оператора (Лёне досталась ответственная должность – постоянно выхватывать Королевну крупным планом) и ещё одна лежит в ожидании Вадика (этот всегда опаздывает) ... (Камер, конечно, у нас больше, но открытый некогда шефом на запылённом складе государственной телестанции пульт, имел только четыре входные шины и все наши телевизионные считали, что этого достаточно, наивно полагая, мол, в Москве тоже

квартирой обходятся.) У меня от сердца отлегло – как приглашали, тем и буду... Впрочем, в моей кондовой маечке ещё надо умудриться сесть в массовке...

– Кирилл! Это что такое?! – подбегает Портняжка, тыча своим укрытым напёрстком пальчиком в мою пёструю маечку.

– Как что? Майка... – строю я дурачка.

– Мы про что с тобой вчера говорили?

– Я, конечно, выгляжу не так респектабельно, как охранник в супермаркете и у меня нет толстой цепочки из нержавеющей стали, но всё же...

– Какое «всё же»? Ты в чём пришёл?!..

– Ну, нет у меня чистых маек дома... И машинки нет... и жены тоже...

– Я тебе сейчас рубашку дам... – трясаясь от злости, отвечает мне Портняжка и летит к батарее вешалок да, перебрав все великоватые рубашечки пастельных тонов, с полными разочарования руками возвращается ко мне.

– Ты что, Кирилл, нам же задник нечем забивать? Ты что, с ума сошёл? – он робко пробегает глазами по августейшей семейке и, сердито сдвинув брови, продолжает пугать меня. – А если Мария Рауфовна увидит?

– Да я камикадзе – мне процесс интересен! – пожимаю плечами я.

– Сядешь у пульта! – звучит приговор Портняжки, после очередного перемигивания с начальством. – Будешь Лёше да Феде помогать, если понадобится...

– Яволь! – делаю я книксен, приподняв края кондовой маечки.

– Поговори мне... – замахивается Портняжка кулачком, но, безвольно вздохнув, уходит перечехлая стулья...

Тут же за столиком перед рядом радиомикрофонов стоит Юнка – в её обязанности входит: по мановению королевской десницы раздавать их направо-налево...

– Ну и как они? – спрашиваю я, присев перед столиком на корточки.

– Да так себе, сукины пупсики. Батареи дохлые... Володя побежал в ближайшую лавку за новыми... А у тебя как?

– Меня лишили тщеславия, и я теперь сижу около пульта... – смахнув воображаемую слезинку, печально выдаю я.

– Бедненький... Так, а это что? – поднимает она один микрофончик: на поролоновой шапочке одного откусан бочок.

– Это видимо, Нина, когда у неё успокоительные заканчиваются, ногти грызёт или чего похуже...

– Лучше бы у неё духи противные кончились. Ну что прикажешь теперь делать?

– А ты дай кому-нибудь и пусть надкусанным краем на себя держит, только бы в камеру не попало...

– Ну да, конечно...

– Аврал... – это прискакал к нам Володька-звучак по прозвищу Чингазвук. – Нету нигде батареек...

– Отчего ж так?

– Воскресенье! «Радиола» с замком, «Культтовары» с замком, а на «Фонтане» вообще учёт... Только супермаркеты да бутики и открыты...

– Одни только мы да избирательные участки как проклятые пашем...

– Не нравится работать по воскресеньям? Заведите себе православного начальника! – замечает мимо проходящий Федя.

– Ну что ж... – дланью разделяет Юнка ряд микрофонов и вздыхает. – Осталось четыре негритёнка!..

– Всё у вас не «слава Богу»...

Федя же склонился над пультовым экраном: в этот раз Лёша решил довести картинку до совершенства и показывал Лёне жестаи в какой позе лучше всего снимать нашу главную городскую знаменитость – Королеву.

– Нарциссизм да и только, – хмыкает наконец Дылда, за что достаивается шика от Бузатова. Впрочем, я согласен с Федей: значения этого слова Королева не знает и разве что скажет: «Прошу при дамах не выражаться!»

По сигналу «Маяка», в 13 часов 00 минут и 00 секунд появляется герр Зигфрид Катерман. Уж не знаю как, но в договоре на рекламную кампанию аквапарка нашли пунктик, да ангажировали занятого топ-менеджера на ток-шоу. А он человек деловой, иностранец, к тому ж: отговорку там придумать или сделаться больным не дотумкает, надо так надо... Явившаяся следом за австрийцем певица Алёна Вассар незамедлительно его и оккупировала. Присев рядышком да эротично положив ножку на ножку, она принялась расспрашивать о делах, Австрии, погоде, королях да капусте – певичке давно хотелось три простых вещи: за рубеж, замуж да зашибись – Катерман всем трём требованиям удовлетворял с лихвой. Воспитанный герр Зигфрид на этот лепет канонической блондинки тактично кивал, где надо смеялся, но понимал сказанное через слово и частенько косился в истыканный микрофонами-мониторами потолок. Всё-таки пролетарское происхождение этой оперной дивы вылезло наружу. Девочка она в певческом плане весьма талантливая, а вот продюсеры ей доставались перестраховщики – боялись: споётся и никаких барышей, а сильная связками Алёна пела под фонограмму. Однако страшная сия тайна открылась нам случайно: раз монтировал Лёша отчётный концерт дивы, где она перепела всё великое в XX столетии, не забыв зацепить Led Zeppelin и N'Sync, звукачи «писались» со своего пульта и нам выдали только готовый трек. Когда же Бузатов принялся сводить всё воедино, то кое-где она микрофончиком чуть ли не жонглировала, прыгала вовсю и даже падала, оступившись о колонку, но с голосом ничего не делалось. Когда же Король глянул на сие безобразие, попросил особо о том не распространяться, тогдашний продюсер Вассар человек влиятельный и с его батюшкой наш шеф чуть ли не на одном курсе учился...

На огонёк заглянул и гость от Нины Татауровой – майор наркополиции, уже начавший отмечать перевыборы – транквилизаторов при его нервной работе не разрешают. Наркополицейского с лицом синим как контурная карта – хоть сразу союзы да складчатости наноси, усадили рядом с бренд-воксом, чтобы не ломать голову: от кого ещё у нас тут несёт.

– Когда же я впервые увидела нашу дикторскую алкашню и сравнила его голос, то стала подозревать, вот скоро даже из утюга вылезет этот маленький алкоголик, – кивнув на синюю парочку, сказала Юнка.

– Да уж, спелись голубки! С такими правоохранительными органами и бандитов не надо! – поддакнула ей Яна.

А затем подошёл наш Лекарь – всё же ему экспертное слово предоставим... Доктора медицинских наук усадили на второй ряд – в городе его лицо и так разве что на горчичниках не печатают, хотя менеджеры с фармацевтической фабрикой и ведут переговоры...

И вроде всё по графику... Вскоре должен подъехать с Рафиком главный герой нашего шоу, а попозже подкатит Борис... Даже я подменил в компьютере Бузатова сюжеты, одобренные два дня назад Королевой, протрезвевшим Королём да преданным Портняжкой, на клееные ночами мною с Юнкой кадры... Однако столичное гламурло запаздывало... Да ещё и Шарина где-то носило! План съёмок медленно, но отчётливо принимал формы форс-мажора!

Съёмка/00:00:00:11

Впрочем, подкатиться до места встречи нам не предстоит – какой-то идиот сковырнул дорогу прямо тут, вмяная в чрево земли-матушки трубы-спагетти большого диаметра. Найдя-таки подходящее местечко, Семён аккуратно паркуется, чтоб мы выходя не поцарапали машины коллег: двадцать первого губернаторского, седьмого коммерческого и сорок четвертого военного. Воображение моё забирается в папку «Эдуард Артемьев», извлекая подходящий саунд: «03 – Они Шли Долго (сталкер).mp3». Под него и прём через грязь недостроенной автостоянки для гигантского аквапарка «Aqua vitae» – из-за него и весь сыр-бор.

Проклинаю я всё на свете: и мягкость свою, и янкину настойчивость (Король в шеф-редакторы никого просто так не берёт), и длинные джинсы-клёш, и ботинки на высоком каблуке, и торчащие тут да там как артефакты куски арматуры, и неподъёмную DV-камеру, и штатив-дылду... Господи, или ещё кто-нибудь! Когда же я сдохну?..

– Не дрейфь, властелин ножниц, – успокаивает меня Юнона, весело скача впереди в берцах аки газель. – Вперёд, там уже австрияки планы показывают Олейникову... Такой кадр грех упустить...

А театр одного зрителя – Зигфрида Катермана – уже подал третий звонок. Мэр всю ругал австрийское начальство заезжего герра, так необдуманно распланировавшееся в нашем городе, Катерман ссылался на мировые тенденции и божился всем на свете, всё в а joug, мол, утро вечера мудренее, а жители нашего прекрасного города ни в чём не узнают неудобств... едва лишь возведут они подстанцию стоимостью в «три миллиона ойро⁴». Ну и наш Степан вышел вперёд гоголем, дескать, возводитеесь – тогда и поговорим, и откроем, и будет тебе «стуженное молоко и мёд без хлеба». А пока – откладывайте своё открытие, пока не пригнали танки с бульдозерами и ваше австрийское чудо не вогнали в российскую землю-матушку как в сорок третьем. (Камеру-то я поставил на штатив, а сам встал за августейшей спиной директора города: в кадр забрался с ногами – охота ж побывать журналюгой.) Герр Зигфрид распротёр чертежи как заправский шпион и успокоил общественность на плохом русском: его речь неслась нестройным потоком, словно из сборника спичей для корпоративных работников, приехавших в Россию. Всё, инцидент считается исчерпанным! Нам ещё дали поснимать панорамки, чертежи да адресные планы (пойдут на перебивки речи Катермана), после чего ряд мордovorотов оттянул СМИ за ограждения...

Журналисточка моя уже с любопытством заглядывает в разрытую траншею для бетонных макаронин, балансируя на самом её краю – для особой уверенности держит за спиной микрофон.

– Хитро... – задумчиво произносит она.

– Что «хитро»?

– Хитро обставили... Тут работы ещё на две недели – трубы зарыть, а они подстанцию хотят с нуля построить... А ты видишь тут котлован?.. И я не вижу! – аккуратно спускается она ко мне с земляной горы. – Помяни моё слово – через три недели все заплескаются в своё удовольствие...

– Как же, откроют! Подстанцию возвести надо, а не то соседи их без воды заживут...

– Помяни слово моё – соседи заживут, а аквапарк откроется... – она оглядывает микрорайон – стопка десятиподъездных костяшек домино, одну качни – и все в руинах! – Должны же они где-то мыться, а тут аквапарк под боком...

– Откуда ты знаешь? – совсем не верю я.

⁴ Ойро – в немецком произношении «евро».

– Интернет, батенька, Интернет... – кивает она. – В каждом городе один и тот же сценарий: завлекают, напугают, мэру заплатят и тот повозмущается для виду недолго, а потом со скрипом открывают. Да такой ажиотаж вызывают! Будто не аквапарк, а храм всех богов разом и каждый образованный обязан его посетить... Никому не важно, чем там заниматься... Зато сколько понту! Запрещаем, строим, страшимся!.. События! Заметил, в наших новостях из всех частей речи остались лишь глаголы!? Мы описываем, что случилось, но никак не говорим о каких-нибудь людях, увлечениях или проблемах... Лишь факты, только события или процессы! Как лягушки, ей богу, только движущиеся предметы и видим! И ещё «которые», «что», «кто» для ритму, будто подстрочником разговариваем... – вертит пальчиками она. – Пульт от телика нас испортил... ох как испортил...

– Хитры австрияки...

– Да какие там австрияки... – машет она ручкой с короткостриженными ноготками. – Ты головкой своей подумай, властелин ножниц, где Австрия и где вода! Фирма давно уже с потрохами американская, а Вена, так, прикрытие... Не бойсь, – подмигнув весело успокоила она. – Сделаю сюжетец правой пяткой про то, как хорошо станет гражданам – австрияки проплатили позитив!..

– Правой пяткой?

– Я левша... – потерев кровожадно ладони, отвечает она. – Ладненько, сворачиваемся... У меня ж график, норма, трудодни – ещё за вторым сюжетом ехать-снимать-ваять...

Съёмка/00:00:00:14

Уложив камеру в шкаф, я поставил кассету на грабёжку и присел на своё скрипучее кресло с вываливающимися шурупами (порой кажется из сидалища вылетело больше железа, чем вкрутили на заводе безымянные хохлы). Заявления мне отчего-то писать не хотелось – то ли отлегло от сердца, то ли история с австрияками окончательно выбила из колеи. Рыжая бестия же полетела на другой сюжет – деньги всем зарабатывать охота, а оплата сдельная... Вот эти товарно-денежные отношения с Королём нас и испортили, все вдруг захотели свою маленькую зарплату раздуть до приличных величин – окружающим в глаза б смело глядеть чтоб да нос горделиво вздёргивать. Лёха Бузатов вообще чуть ли не ночует и пахать как лошадь готов, пока его дочка не станет обнимать телевизор со словами: «Это мой папа!» Вот и вертимся, крутимся, ищем в городе новости да преподаём их. Ничто не делает нас такими алчными, как сдельная оплата!.. Эх, и рыжая эта тоже крутится, по три сюжета в день. Стахановец... То туда, то сюда, то вокруг да около... Вот это пробивная энергия! Она ворвалась к нам на канал как по «Beatles» – «11 – I Wanna Be Your Man.mp3». Никто её уже не звал – но она сама напросилась. У нас всегда так, кто приходит, того берут, а уж кто уходит – словно и не было человека... Но мы наконец-то взяли Хозяйку Медной Горы, а то Нина – криминальщица – читает всё одними и теми же интонациями: что сюжет про колбасу с дробью, что сюжет про колбасу, в которой свинцовых шариков отродясь и не водилось...

– Что такой кислый? – возникает над моим задумчивым взором сценарист-продюсер-концептуальщик (и много что ещё) Илья Касихин, по прозвищу Шут...

– Да так, призадумался... Мы сейчас с новенькой аки сайгаки у аквапарка нового скакали... Мэра видели... – я ткнул на экранчик магнитофона с Олейниковым, вовсю диктовавшим свою волю топ-гастарбайтеру. – Видал, ругается с австрияками...

– Да уж, суров, суров градоначальник. Как говорили римляне – nihil!.. Готов насытить чрево? – задумчиво вынимает он из пиджака жёлтую нить и тут же машинально накручивает на безымянный палец – из него постоянно торчали обломки одежды, да и сам он вида бахрамистого, этакий побитый жизнью Барбос.

– А то... Составить компанию?..

– Я не напрашиваюсь...

– А я и не против...

Интересный человечек Шут – никак не может разобраться со своими многочисленными скелетами в шкафу, порой кажется, он и сам не подозревает что ж с ним происходило, да что ему под силу. Но ценить его стоит ещё за манеру дотошно передавать приказы феодалов нам, крестьянам. Ему бы возгордиться, усесться в отдельном кабинете да обедать от всех отвернувшись как Король с Королевой, Портняжка с Лекарем да Поварёшка с Ромкой – эти ребята всегда верны сразу двум афоризмам про дружбу: «завтрак съешь сам, обед раздели с другом, а ужин отдай врагу» и «бескорыстная дружба может быть только между людьми с равными доходами». Ан нет же, Шут с нами возится, в нашей производственной песочнице лепит креативные куличики. И вот все сплетни из высших эшелонов властей наших мы узнаём как раз от Шута.

Мы кидаем песенку «Сначала питание. wma» из неизвестного мультика на фон да прёмся в кафешку неподалёку. Среди восточных мотивов под борщ да блинчики (кафешка зовётся как-никак «Марья-Искусница») Илья передаёт мне слово в слово содержание сегодняшней планёрки:

– ...Уж кто-то задумал выпинывать людей из домов в день выборов, показывая по телевизору всякую муру, но факт остаётся фактом. Рейтинги даже у метровых телеканалов должны быть... должны быть – это я подчёркиваю... чрезмерно низкими, тогда народ всей семьёй

не усядется у ящика с любой диагональю и любым количеством колонок, а отправиться на избирательный участок... – тут Илья чихнул, да подтолкнул меня к мысли: «А сам король чихал в этом месте?» – И что будут показывать в этот день центральные телеканалы? Крутить весь день сериалы для домохозяек? Семейные ситкомы по сезону в день? Тупосюжетные детективы про бандитов, «Подстава Ильича» или там «Папины точки»? Или «17 мгновений весны» с утра до вечера? Да любая наша немутная передача отобьет всех сразу! И что сделать в нашем случае? Что должна сделать дециметровая местная станция, чтобы выйти в дамки? В сегодняшнем мире шоу с многомиллионными бюджетами, отстроенными специально стадионами да студиями, в этом жестоком мире маленькой местной дециметровой станции приходится непросто, – тут он начинает загибать пальцы, а в его слегка влажной руке мне видится бледная пятнистая королевская длань. Прямо клон! – Во-первых, не у всех бабулек имеется дециметровая антенна, во-вторых, нам показывать особо нечего: центральные каналы выкупили эксклюзивные права на самые любимые фильмы и теперь гоняют их в самые рейтинговые часы – дабы деньги не терять. Так что, товарищи, коммунизм наступил: хорошее кино только по праздникам... Тихий ужас для рейтингов... А что же мы можем выкинуть в праздник? – Шут ткнул в меня фаршированным блинчиком, и я даже задумался, чем в него ткнул таким шеф. – Токшоу! – благоговейно выдал он ответ в этой моноложной викторине. – Вся наша целевая аудитория, увидев себя, своего родственника, соседа, прильнет в прайм-тайм к экрану как приклеенная: с тысячи девятьсот до двух тысяч (чисто Королевская мера времени) – в нашу нишу. И все эти Штирлицы, Крутовы да Репины – они же засохнут...

– Ой ли? – я даже кусок от такой утопии до рта донести не успел. – Там же бюджеты, профессионально построенный по американской лицензии наркотик, а мы тут со своими рожами да картонными декорациями.

– Дело в теме, Кирилл, и её, чтобы долго не ходить да не переключивать с больной головы на не менее больной копчик, я... то есть Александр Дмитриевич уже придумал: «Амнезия». Она может случиться с каждым. Несколько лет назад тема модная, это сейчас незаслуженно подзабытая, но нам это на руку – вспомнят, долго объяснять не придётся... Представит каждый: мол, тоже так проснётся – ничего не помнит и родичи не знают где он... Да постоянно возникают такие вот склеротики...

– Ну, это-то понятно, – киваю я. – А кто делать-то будет?

– Шеф сказал и я с ним согласен: делать будет Яглова – новенькая которая, ну ты, скакун, знаешь её теперь. Правда, она об этом сама не в курсах, но согласиться, Александр Дмитриевич уверен...

– А снимать, монтировать, сводить, дизайн кто сварганит?

– А... – машет рукой он, и, отхлебнув кефира, вдруг начинает говорить своими словами – вот как алкоголь действует-то! – Ещё два месяца целых, кто-нибудь да сделает... Но ты представь, какие будут мегарейтинги, мы даже метровые телеканалы перебьём! И это в контрольном октябре-то месяце!.. Потом перед лицом всех клиентов затрясём теми процентами, накопительными аудиториями. Хотя на месте Королешки я бы давно подговорил пятьдесят человек с ТВ-метрами – чердачками на ящиках – и уже два раза в год на контрольные месяцы получал бы как раз метровые рейтинги... Мы, Киря, живём в век избыточной информации: сжигаем ежемесячно тонны бесплатных газетёнок, скачиваем из сетей киношедевры и удаляем в корзину через десять секунд, переключаем каналы по полтора десятка в минуту и спам – горы спама, – тычет он вилкой на всех окружающих по очереди. – И эти рейтинги нам кажутся чем-то объективным: рука не поднялась переключиться и я, ты, он, мы, она, вы, оно, они с потрохами ваши... – он вздыхает на пять литров спёртого воздуха – импровизирует, непривычно. – От кого не слышишь – вот по телику смотреть нечего, там всё неинтересно... Вот ты смотришь телевизор, Кирилл?.. Вот, и я не смотрю... И никто в нашей конторе в ящик не пялится!.. Не любят люди, когда их глупыми считают: мы же усреднили зрителя, превратив всех разом

в прыщавых подростков с либидо! Мы с экрана общаемся с этим быдлом – иного слова для стада нет, согласись! О, ТВ-метр – самый беспощадный в Мире прибор! Напольные весы и спидометр велосипеда ему в подмётки не годятся. Да и мы-то хороши, поверили в правдивость этих машинок и в свою гениальность, приняв за аксиому, что столько идиотов разом ошибаться не могут (коллективный разум, прям): сделал хорошую передачу – получи хороший рейтинг, гений, а плохую – плохая доля тебе обеспечена, бездарность...

– То есть будет хорошее ток-шоу или плохое на рейтинг это слабо влияет? – я даже ужаснулся неожиданно посетившей меня мысли.

– Им-ен-но! Мы тут однажды три дня крутили по ошибке одну и ту же сетку. И кто бы заметил! Зато рейтинги только росли – народ хотел узнать, когда же это закончится, – Илья почесал подбородок, обнаружив кое-какие неучтённые калории, стёр их беспощадно пальчиком да отправил в рот – хозяйственный. – Хорошо ещё нам деньги в зависимости от рейтингов не платюют, а то давно уже все без трусов остались... Ну что мы можем сделать по сравнению с метровыми? У них там бюджеты, они для шоу ледовые дворцы строят, а те проваливаются... – вздыхает от души Шут, то ли завидует, то ли что-то ещё. – Мы можем показать нечто наше, родное, доморощенное... (Кажется, он начинает трезветь – из него опять Король попёр.) И ток-шоу в день перевыборов Первого Лица зрителю покажется... а уж хорошее оно или плохое – дело абсолютно второе... Люди к телику должны присосаться как алкоголик с утра к похмельятору, как загипнотизированные дудкой кобры, – и обессиленный, откинувшись на спинку стула, лекторским тоном сообщает: – Человечеству сильно повезло: с самых первых дней телевидение огрызалось от массы врагов: кино, театр, книги, затем возникли компьютеры и Интернет. Огрызаясь ящик, сопротивлялся и превратился в этакую шипящую зверушку, кидающуюся на всех и вся. Вот и глядит на нас по ящику одно и то же: любовь и кровь, чернуха и порнуха, бабло и зло. ТВ бы могло стать настоящим искусством, но... слава Богу, не стало... – и туда-сюда повозив по тарелке остатки сметаны продолжает свой плач: – Господи, рейтинги! Сколько они замечательных экспериментальных проектов поломали. Рейтинг высокий – смело поднимаем цены на рекламу... А уж низкий! Убираем на хрен из сетки! Редкая передача, редкий сериал пролетит до середины сезона – поначалу бросаются на новьё, на рекламу, а уж как рейтинг упадёт – всё, кирдык! Ну а передача переживёт сезон – дадут денег на второй: начали зарабатывать! Прибыли, бизнес, деньги зарабатывают ради зарабатывания денег... Сплошная рекурсия: Мюнхгаузен вытаскивает из болота себя, коня да всю прусскую кавалерию в придачу... и хочет всё больше да больше... Делаем не передачи, а продукт, куда закидываем рекламу, на рекламу должна клюнуть ЦА – наша бесцельная целевая аудитория: возраст такой-то, рост-вес такие-то, образование – ну школа и уже хорошо, жизненные цели – тратить заработанное да бросаться на каждую красивую вывеску! Остальные нас не интересуют – у них нет столько бабла и на мякине их не проведёшь... Ну а мы удовлетворяем зрительский информационный голод, опустошая кошельки... У нас бабское шоу «Женские часики», чтобы ты знал, Кирилл, с этой пластической рубрикой, в прайм собирает больше народу чем метр, а восемьдесят три процента – мужики! Есть на что поглядеть! Плохо мы знаем нашу целевую аудиторию, товарищи, очень плохо... Думаю, наш канал и парочка университетских профессоров смотрит да получает поистине эстетическое удовольствие сродни оргазму... А мы тут развели мнение о быдле за разговором о статистике... Как же мне это всё надоело... – то ли шепчет, то ли плачет он. – Дырчатое программирование это: вставляйте всё своё в прайм, но дайте нам частоту в вашем городе... А ведь по нашему принципу существует почти весь дециметр России-матушки... Ты только подумай! Количество независимых телекомпаний в стране любой неаккуратный фрезеровщик по пальцам одной руки пересчитает!.. – уж тычет он в меня двухпалой дланью. – А наш канал считается непродажным, ибо его давным-давно купили, а сам Королешка втайне мечтает о том, кто предложит больше...

– И нет у нас выхода? – совсем уж взгрустнулось мне.

- Выход есть, только он чаще, где вход. На том стоим и стоять будем!..
- М-да, а я новую жизнь сегодня хотел начать...

Рендер/00:02:01:14

В семнадцать минут третьего на стоянке между джипом Алёны Вассар с высунувшим морду датским догом (эта хрупкая женщина питала страсть к большим собакамта хрупкая женщина питала м и Ф морду датским догом и фордом) и малолитражкой Виолетты остановился мэрский чёрный джип (в райдере прописали определённую модель, а в городе такая машина водилась лишь в августейшем гараже) и из него, качаясь из стороны в сторону, вальсирующей походкой вылез полуодетый Никита Логинов собственной персоной. Лицо столичного гламура выражало абсолютную бессмысленность человека лишь восемь часов назад закончившего грандиозный кутёж. Даже традиционные слова «Завидуйте мне!» во взгляде читались с грамматическими ошибками да серая щетина придавала некую мужественность, ну а ярко-алый засос, так и не смытый со скулы, возвращал к реальному гламурному образу. Да уж, неправильно поставленные гастроли ведут к запою!

Логинова усадили на первый ряд, по правую руку от Королевы, да наказали операторам снимать его крупным планом, чуть ли не чаще самой миллионной физиономии ведущей.

– Можем начинать? – вздохнула Королевна.

– Какое «можем»! – возмутился Дылда. – В три камеры? Где Шарин, где этот интриган, где этот негодяй?

– Я дозвониться до него не могу, – пожала Яна плечами, – да он всегда опаздывает...

– Всё равно без него начать не можем!

– Будем ждать... – вздыхает Королевна. – Время есть, но не так много, как было час назад...

– Кто-нибудь, пошлите за смертью!.. – сдавленно попросила Неклюдова, но небеса безмолствовали.

– На этот случай верёвка и мыло в нашей конторе лежат в разных углах, – кивнул Антон, но в ответ на него так зашипели... – А что я-то? Я подсказал только...

А через десять минут у обочины приостановился армейский УАЗик, лейтенант в хаки раскрыл дверь перед полковником ВВС в отставке и перчатках – главный рекламодатель решил проверить наше ничего.

– Анатолий Витальевич! – подбежала было к нему Королевна, но Высеков живо отстранился от вирусных объятий да бактерийных лобзаний. – Как хорошо, что вы пришли, а то я, знаете ли, всё думала: «Кого это нам не хватает?..» А тут вы как снег на голову. Но мы очень вам рады, мы просто без вас и не начинали...

Подвинув к периферии Дору Константиновну, усадили Высекова рядом с гламурлом, всё наровившим клюнуть носом прямо в свой персональный микрофон на стойке. Очнувшись от очередного сновидения Логинов протянул было руку из вежливости новому гостю, но в ответ получил такой взгляд... И вдруг вспомнил, что от армии он откосил по глупости да совсем скоро...

Герр Зигфрид смотрел на свои дешевенькие китайские часы да тяжело вздыхал, бурча что-то по-немецки, тут же лепетала о своей нелёгкой жизни в провинциальной России Алёна Вассар, но интурист даже не прислушивался... У наркополицейского заиграла «Brain Damage» и он под шипение Королевы, Портняжки да Бузатова телефончик-то тактично придушил.

А Вадим всё не приходил и не приходил – его номер так и оставался безответным...

Монтаж/00:01:12:17

Если ты всю жизнь занимался цифровым нелинейным монтажом, то вид VHS'ки и уж тем более бобины с киноплёнкой вызовет панический ужас. Вот так тупо перед собой положишь кассету с исходником и будешь глядеть-глядеть, придавая монтажному аппарату для того носителя некие магические свойства. Помнится, когда учился, нас отвели с экскурсией на студию документального фильма и показывали машину для монтажа киноплёнки: шкаф с мою холостяцкую комнату величиной вызывал ассоциации с агрегатами уэллсовских марсиан, а уж как представишь за столом монтажёра-пришельца – становится жутковато. Однако, как только перегонишь в родной DV AVI, всё и встаёт на свои места – делай себе цветокоррекцию, переходы да выправляй звук – в кривом эфире и не такое возможно...

Под конец дня в студии записывали новости. Первой шла Нина Татаурова с криминальным обзором – этаким нашим ноу-хау. Табу на показ в кадре всех женщин (кроме Королевы) с криминальщицей, впрочем, был бы и снят, учитывая её внешние данные, но Король пошёл на принцип да приказал Шуту придумать что-нибудь. Уж не знаю, что тогда пил Илья, но наутро принёс своему вечному спутнику Витале задание, а уже вечером под голос журналистки в первый раз в эфир тридцать седьмого канала вышел криминальный обзор. В это время на экране двигался специальный фончик, сотворённый дизайнером левой ногой за полчаса да состоящий из сине-чёрных фотографий убийц и воров, пистолетов и ножей, уголовных кодексов и наручников. Иногда, правда, вкраплялись действительно важные фотографии разыскиваемых и разысканных, мест преступлений и пожаров, видов мэрии да ГУВД – сия движущаяся картина да под динамичную неизвестную музыку неизвестного композитора создавала ощущение гипнотическое, если бы не торчащий в правом нижнем углу таймер – цифры говорили, когда же эта вакханалия зла завершится... Поговаривали, мол, если долго глядеть на этот фончик – откроется вечная истина, благо не ворота Ада...

– ...Череп потерпевшего был размозжен надвое... – прочла текст Нина на камеру (что сами понимаете, бесполезно) и тут же замерла. – Череп надвое размозжен?.. И он ещё живой? – задумчиво сказала она.

– Нина, ну... – не вынес сидящий за пультом Лёша Бузатов. – Двадцать минут, потом новости писать начнём!

– Нет, ну он выжил или не выжил, у меня здесь не написано... – помахала она листиками. – А то, понимаешь, сделали самоубийство... буквально из ничего...

– Зажило как на собаке, до свадьбы, день в день! – кричу я ей в ответ и тут же слышу Лёшино шипение. – Лёшь, сграбь, а? – тяну я ему его же mini-VHS-антиквариат. – Da sarò al fini⁵...

– Сколько? – вздыхает он.

– Минут десять-пятнадцать – не больше.

– Десять-пятнадцать, – прикидывает в уме Лёша. – Раньше надо было через Касихина договариваться...

– А теперь с талончиком через Виолеттку... Лёх, ну что за манера заменять живого человека бумажками? Некоторых бюрократов я бы посоветовал сажать сосны и лиственницы, а особо рьяных – валить на пару годков!.. Ну, пятнадцать минут-то...

– А если придёт кто, а у меня магнитофон занят?.. – ноет Лёша.

– Мальчики, я готова... – машет руками обезьянка-Татаурова за стеклом. Господи, и отчего ж её мужики так любят? Как-то раз наблюдал двух её ухажёров, внезапно столкнув-

⁵ С начала до конца. (итал.)

шихся на улице. Они готовы глотки друг другу грызть за руку прекрасной Нины... а я даже обрадовался, что у меня на сию длань нет никаких шансов...

– Начали, запись, – поставив мою кассету на грабёжку, отмахался Лёша.

– В нашем городе вводится программа поиска маньяков путём всеобщего видеонаблюдения в тёмных местах: «Отвлекись, тебя снимают скрытой камерой». Они включаются только ночью...

– А в светлое время насилуй, грабь и убивай в своё удовольствие, – тихо продолжаю я и достаиваюсь укорительного Лёшиного взгляда.

– Продолжаем-продолжаем, не отвлекайся... – успокоил Бузатов ведущую.

– Вчера из дома ушёл и не вернулся знаменитый актёр порнофильмов. Одет был... А, чёрт, теперь его никто не узнает... – сама сбилась она да начала всё сначала. – ...Последний раз у него стоял... он стоял... он имел... тьфу... Можно ещё раз, а?

Оговориться Нине, что высморкаться. Второго августа в сюжете о дне ВДВ, десантников она обозвала «голубыми товарищами»... Хорошо, «товарищи» не знали, где журналистка Татаурова проживает.

Вдруг дверь студии тихонько приоткрывается и белесый чубчик появляется в щели – Принц собственной персоной.

– Слышь, у меня ботинок не развязывается... – плаксиво сообщает августейший сынок.

– Господи! – воздев очи к потолку восклицает Бутзатов. – Кирилл, запишешь, а?

– Яволь, майн фюрер... – усаживаюсь я за пульт.

Ну а Лёха отправляется с Принцем снимать чужой ботинок – Дима с мамой только что снялись в очередном рекламном ролике в крутой обуви, взятой напрокат у Виолеттино сына, на пару лет да размеров поменьше Принца...

– ...Вчера какими-то вандалами был изуродован памятник вандалу: негодяи отломили гигантскую кувалду из креплёного бетона...

Но тут прозвонила бешенная попсовая мелодия, Нину как-то сразу скукожило и она вынула из ридикюля, висящего на спинке кресла, сотовый, недвусмысленным грубым жестом перебив мои возражения.

– Что? – прокричала она. – Снова-здорово... «Почему ты меня бросила?» Да ты эгоистичный зануда, вот почему! Я вот работаю, а ты звонишь и спрашиваешь, совести нет... Ты уже задолбал! Понял? В три ночи позвонишь, в два дня, когда на унитазе, когда жру, когда в ванной... Тебе делать больше нечего, что ли?.. Значит так, если ты не перестанешь, то я сделаю сюжет о маньяке, а фоторобот подозрительно напомнит твою прыщавую морду. И во всех социальных сетях пропишу, чтобы не добавляли тебя – твой аккаунт – вирус, как и ты сам по жизни!.. – и, выключив телефон, тут же улыбнулась на камеру, меня аж передёрнуло и я уставился на пыльный монитор над магнитофоном – там уже стритрейсеры разлетелись по углам да весям, как же это красиво! Прямо кино – хоть сейчас на экран, а уж если задуматься, что всё случилось на самом деле...

Рендер/00:02:01:16

– Две новости, две... – шептала Яна поочерёдно всем буквально на ухо.
– Да какие же! – не вытерпела Королева.
– Первая: я дозвонилась до Шарина...
– Да где он, почему он нас подводит?! Я его уволю! Завтра же уволю, а сегодня пусть идёт и снимает...

– Он не сможет... Он в больнице!

– Нашёл время по больницам шататься, в такой-то важный день! – бесилась Королевна и на багровом её личике пунктирами возникли швы пластических хирургов.

– погоди, Маша, вдруг это серьёзно, – попытался успокоить Королевну муженёк, он уже пришёл в своё обычное люто-пацифистское состояние начальника и распорядился всеми направо-налево, коли до того доходило.

– Он обходил стройку стороной, ну ту, что начали копать да тротуар отхватили... Обходил да попал под машину...

Красная леди так и села, чуть не придавив Лёшу Бузатова.

– Прости, Лёшенька... – наконец выговорила она. – У нас нет оператора, наши гости опаздывают... Ну хоть главный герой и тот на месте... Нет, я уволюсь с телевидения и прямо сейчас...

– Брутальненько!.. – только и хмыкнул Рома Татаринцев да приложил свою перманентную кепку к груди.

– погоди, Маша, безвыходных ситуаций не бывает... – Король властным взором оглядел нас всех и застыл на мне.

От его холодного, только что вернувшегося к трезвости и морали взгляда, я даже поёжился.

– Кирилл Фёдорович... – ого! Он ещё помнит, как меня зовут! Да ещё взяв ласково под локоток отвёл в сторону. – Попал под машину – это же, по сути, форс-мажорная случайность, а что такое наша жизнь как не череда случайностей, нелепых и невозможных? Я-то уже пожил, я-то знаю... Я прекрасно помню, что вам хотелось стать журналистом, но ради меня, пожалуйста, встаньте сегодня за камеру... Прошу! Про вашу журналистскую карьеру мы завтра же и поговорим...

У меня разве что глаза на лоб не полезли, но мужественные брови мои вовремя прервали побег. Глядел я в его светло-карие очи, красные, слегка смазанные мужской слезой... Глядел и не мог понять! Он же злыдня-злыдней, жадина-жадиной, а всё-таки человек и теперь, озирался на тридцать седьмой канал, – дело рук своих – с ужасом и унынием. Нет, все мы живём в глупом средневековье. В глухом средневековье! У нас есть свои короли, королевы, принцы, лекари, повара, шуты да портняжки. Верные вассалы готовы стелиться пред нами, вылизывать обувь да подставлять спину, дабы дворянская лапка не запятналась в грязи! Куда там Ренессанс, Просвещение, Научно-Технические революции да века цветного металла? Куда они все подевались? Будто ни Канта, ни Вольтера, ни Толстого и не родилось вовсе! Офис нас вернул в средние века! Мы все кошачий корм – нас жрут на обед такие вот упитанные кошки, не зрящие дальше собственного носа, мы – крепостные таких вот королей, с жалостью оглядывающихся на свои детища – паноптикумы безвольных характеров да четко выстроенные ненадёжные системы, возведённые по образу и подобию своему!..

– Хорошо, Александр Дмитриевич, только вы, пожалуйста, не забудьте...

– Я в ежедневнике запишу, – легко улыбнулся он, да показал потрёпанную свою книжицу. Обычно страницы её лохматились от невыносимой работы с дешёвенькими китайскими ручками Короля, но с торца этой виднелась абсолютно белая полоса. Господи, да я только что

видел искреннюю улыбку Короля! Сегодня явно снег растает, господа! Помяните моё слово! За три года я видел сотни его улыбок: заискивающих, выпрашивающих, улыбок для приличия на рассказанный Портняжкой или самим собой бородатый анекдот, приветственных (хотя отвернувшись от гостя на секунду мог тут же скуксить такую кислую рожу – всё молоко в округе простоквашей станет), проверочных на предмет морщинок... Да много когда ещё он улыбал рожицу! А вот он впервые не заставил уголки губ как дуэлянтам разойтись! Да что стряслось с нашим Корольком? Мне даже его стало жалко... Хорошо Юнона не научилась слышать мои мысли – прибила бы на месте...

– Тогда прошу... – указал он на вадикову камеру...

– Все по местам, через пять минут начинаем! – похлопав в ладоши, заявила Королева.

– В тысяча шестьсот двадцать три начинаем, – вздохнув поддакнул Король.

Одна Сатана, однако!

И мы уж все уселись, устались, укрепились, вернулись с курилки да кормёжки датских догов, расположились, разложились, расселись... как в очередной раз машет Портняжка.

– Стойте! Стойте! – скачет он, перескакивая из одной камеру в другую, я даже сакцентировал своё окулярное внимание на его очках за полторы тонны евро.

– Ну что ещё? – прошипела в ответ Королева, уже поднявшая было для вступительного слова свой надкусанный микрофон (Бог шельму метит! – сама выбрала).

– Мы же не успеем смонтироваться! – бегло взглянув на шефа изрекает он.

– Это Шарин виноват!

Она ещё не узнала, что стряслось, а уже назначила крайнего!

– Он во всём виноват! Его с губернаторского подослали! Он нас всех подвёл под статью! Он этого с самого начала хотел! – буйствовала не на шутку гениальная телеведущая, так и не зная кого бы ещё обвинить. – Всё, конец ток-шоу! До свидания, карьера! До свидания...

– Погоди, дорогая, – перебил череду страданий Король. – Как не «успеем смонтироваться»?

– А вот так... – кивает он в сторону пульта и тут же все журналисты, операторы, редакторы, монтажёры да прочая челядь окружает плотной толпой Бузатова. – Господа-товарищи, у нас всего два с половиной часа на то, чтобы снять передачу. Этого мало! Часа полтора мы только будем её снимать, ещё полтора просматривать да накладывать титры, ещё полчаса её считать и минут десять скидывать на эфир...

– Пусть Лёшенька побыстрее её просмотрит, наложит все нужные титры, посчитает и на эфир скинет... – положив по-матерински руку на бузатовское плечо заявляет Королева.

Властелин пульта поднимает на неё ошарашенный взгляд, обводит взглядом нас всех да отчего-то останавливает свои несчастные глазёнки на мне.

– Штирлиц говорил: ребёнка за месяц не родишь, пусть у вас будет девять женщин... – тихо начинаю я, но голос отчего-то мой крепнет с каждым словом, с каждой буквой, с каждым звуком. – Лёшенька ничего не сможет сделать, ни один, ни даже вдвоём со мной... Где-нибудь просядет звук, где-нибудь титры не те наложит, где-нибудь видео с косяком на весь кадр пропустит... А Лёша этого и не заметит – он не просмотрит, не успеет и всё попадёт в эфир... Выбор у нас невелик: или делать всё тяп-ляп и позориться, или... – и тут я замолчал.

А что собственно «или»? Какой у нас, всю жизнь работающих как нелинейщики – в кривом эфире: хотим покурим сходим, хотим завтра доделаем – какой может быть ещё выбор?.. Но Лёша Бузатов понял паузу по-своему, встал из-за пульта да подшаркал ко мне, мол, если что, мы вместе, и уж, если гореть... Господи, а я думал, что самое нервное в моей работе: из двух планов, снятых лентяем-оператором, делать двадцать!..

– У нас же время течёт... – бросив взгляд на Короля, вздохнул между делом Портняжка.

– А зрители уже настроились... и спонсорам ничего объяснить не сможем... – виновато лепетала Виолетта. – Передачу отменить мы не в силах...

Юнона подошла ко мне сзади и робко взяла за руку... Во что же это всё выльется, сукин пупсик?!

– Мы будем работать в прямом эфире! – вдруг восклицает Король. – Прямой эфир всё спишет!

Да, наши ошарашенные взгляды разом стопорятся на шефе.

– Was? – подал голос австрийский интурист.

– Ничего, герр Зигфрид, это мы между собой, – кивает ему Виолетта.

– Н-но как? – шепчет Лёша.

– А очень просто: по специальной щине «OPEN AIR» всё отправим сразу в эфир, магнитофоны вообще можно убрать... – весело заявляет наш Королешко.

– Но мануал нужен... Я без мануала не могу... – только и разводит руками Бузатов.

– Антон найдёт вам инструкцию...

– Слышали, что сказал Александр Дмитриевич? – грозно промолвила Королева и обвела подчинённых строгими глазами, каждое по месячную зарплату нас вместе взятых. – По местам!..

– А... а... – уже тянется ручка федина к потолку. – А если что-то пойдёт не по сценарию?... Как же мы... это?... Не переправить же...

– Обратной дороги не будет, Фёдор, – положив руку на плечо, заявляет ему Король. – Придумайте что-нибудь...

– М-да уж... Фраза: «Придумайте что-нибудь...» будет меня всю жизнь преследовать.

И понеслась! Под Битловскую «06 – Helter Skelter.mp3»!..

Через десять минут Антон отрыл на пыльных стеллажах толстую книжицу – инструкцию к пульта, правда она оказалась на немецком и итальянском... Мы с Лёшей ни того, ни другого не знали... Королева было призвала сынка к переводу, два года как изучавшего дойч в спецшколе, но после первого технического термина мальчика-то мы от греха подальше убрали, а то не ровён час самой же мамаше под горячую руку этот «отличник» попадётся... Впрочем, дипломированный филолог Антон и тут нашёлся: на зубок знал он целых четыре иностранных языка. Я всегда говорил, что на тридцать седьмом канале работают только профессионалы!..

– А в эфир надо подать картинку в картинке, – кидал идеи Портняжка, руководя при том расстановкой света. – Ну, вроде вот говорит Мария Рауфовна, вот как на неё смотрит герр Катерман... Мы же можем сделать картинку в картинке, да?

Антон, полистав странички мануала, утвердительно кивнул:

– М-можем, – повеселев ответил Лёша. – Мы многое можем! Хо-хо, я победил машину – меня можно снимать в очередном «Терминаторе»!.. – и как заправский рестлер воздел кулаки к небесам.

– А на монитор перед всеми мы подадим картинку с сюжетами, чтобы зрители знали, когда хлопать и когда готовиться... – подкинул новую идею Портняжка.

И вот тут у нас с Юнкой челюсти-то и отвисли...

Монтаж/00:01:13:02

– Мы обречены! – вдруг изрекает Юнона посреди ночи.

Я, конечно, пытаюсь себя отучить от привычки сразу отворачиваться и храпеть...

– Да-да, конечно, – сонно отвечаю я, приобнимая её за талию. – Все мы когда-нибудь умрём... Но это потом, в старости...

– Да я не про то... – пихает она меня в бок. – Проснись же, Кирилл!.. Ты хоть понимаешь, что у нас нет выбора!.. Что если Король увидит наш компромат?

– «Что если», «что если»... А что если Король вдруг узнает, что я с ним работаю из-за денег?.. «Что если»?..

Спор наш отчего-то принимает форму музыкального файла «11 YannTiersen – La Crise.mp3».

– Да Королёк наш, птичка певчая, сукин пупсик, большой подлиза у мэра, а мэру наше шоу не совсем про склеротика ой как не понравится... – и чего ей только стоило включить свет... – Очень не понравится, Кирилл! Понимаешь?

– Да понял я, понял... – стараясь отогнать зелёных Юнон, так и снующих перед носом, отвечаю я. – Если мы сделаем шоу, то нас как минимум уволят, если не сделаем – нам достанется от Папочки, всё! Сначала я проснусь в кровати с отрезанным корнем своего любимого фикуса, а затем – кирпич на шею и в Государку – карасей кормить... Третьего не дано! Милая, мы пойдём на компромисс: половина про склеротика, вторая половина – про мэра-сволочь, у кого склеротик шпателем орудовал на Гастарбайтерской Стройке Года, да про то какой наш город феодальный: «Вассал моего вассала не мой вассал, а родич». Да ещё диаспора как государство в государстве...

– А тебе этого хочется? – сурьёзно так взглянув своими змеиными зелёными глазками на меня, спрашивает она. – А вот мне нет... Мы в коем-то веке сотворим на этом канале нормальную программу, её захотят посмотреть многие... Она сделана нестандартно, качественно, задорно... то есть будет сделана... И что в итоге? Покажем Яне – она глаза выпучит такие, что в камеру не влезет... Покажем, сукину пупсику, Королю – он её и зарубит на корню... А Королева только головкой в миллионы помотает... Мы с ним союзники, но по разную сторону баррикад, это ты понимаешь?.. Всё, два месяца работы... Все эти походы по диаспорам, восхождения на водокачку, расстрелы да гонки?! Куда, я тебя спрашиваю?! – сквозь слёзы чуть не провизжала она.

Рывком я долбанул по выключателю и повалил Юнку на постель.

– Тише ты! Не у себя дома...

Под дверью возникла светлая полоска – хозяйка пошла проверить, кто это тут вопит... Дверь тихонько приоткрылась, показался подслеповатый глазик, оглядел окрестности и всё.

– Выход есть... – шепчу я, не переставая прикрывать ей рот – во тьме только и видно, что два её больших белка. – Задача скорей техническая, чем нравственная... Показать всему городу, кого переизбирают – надо... С другой стороны мы наснимали уже столько, что хватит на два ток-шоу... Да и впереди вагон времени... Ты фильм «Любит, не любит» помнишь?.. – она кивнула. – Вот и выходит, что любое событие можно описать с двух сторон... Чёрт, неудачный пример... Про нашу ситуацию вообще фильма ещё не сняли... Короче, то что пойдёт в эфир и то, что покажем Королю и иже с ним – две большие разницы, как говорят в Жемчужине у моря!.. Пока «могила» на экране не возникла – есть шанс у каждого!.. Мы такую конфетку из этого дерьма сделаем!..

– Кирюш, делать из дерьма конфетки – это уголовное преступление! – высвобождает она губки из-под моей ладони.

– Ну мы же фигурально... А под конец мы пустим слайд-шоу с фотками Короля, Королевы, Принца, Портняжки и прочих... и музыку подходящую: «Лица стёрты, краски, то ли люди, то ли куклы...» «А в довершении несколько изображений пениса, чтобы досадить критикам...» А теперь байньки... – и я её сладко целую...

Но ручка юнкина уже тянется к кнопке «Power» компа... Загудели кулеры, по экрану поползли буквы, засвистели индуктивности...

– Милая, ну, что ещё?

– Ничего особенного, – напяливая халатик, говорит она. – Просто я хочу, чтобы наше шоу посмотрела каждая собака с дециметровой антенной... И ты мне в этом поможешь? Надо наделать рекламы в Интернете! Король наш считает, что в Сети живут одни толстые подростки да наркоманы-неудачники – не будем его переубеждать. Тем лучше для нас... Ну, чего развалился? Надо ролики монтировать...

– А до утра?..

– Чем раньше начнём, тем лучше... Давай-давай, у нас три недели всего-то осталось! Сейчас же один выпустим, потом другой – через недельку, потом третий, et caetera⁶. Интерес держать надо, Кирюш...

– А может как-нибудь с утра, в понедельник? – с надеждой спрашиваю я, а рука-то тянется комп вырубить.

– Не-не... Никаких понедельников... Мир был создан в понедельник, но Господь не сказал «и это хорошо»! Вот и погляди на этот поганый мирок! – и шлёп мне по руке. – А ну, поднимайся, лежебока, сукин пупсик!

– Господи, да когда же у тебя ядерное топливо закончится?.. – и Кирилл Фёдорович встаёт...

⁶ И так далее. (лат.)

Рендер/00:02:01:19

Пока на экране моргают последние цифры до эфира, камера моя проходится по зрительским рядам средним. Кто знает, какой из планов многорукий Бузатов выберет первым... Хотя я-то догадываюсь кто возникнет на экране сразу за Виталькиной заставкой...

– Добрый вечер, дорогие телезрители, – читает с бумажки Королева. – С вами я, Мария Лимарёва, и это «Ток-шоу с Марией Лимарёвой»! Сегодня в нашем городе два важных события: выборы Президента России и выборы мэра нашего города. Надеюсь, что вы все уже сходили на избирательные участки и сделали правильный выбор...

Бочком-бочком я пробираюсь к столику микрофонов.

– Ну и как тебе сей спич? – спрашиваю я Юнону.

– Это не русский язык, а мемуары телеграфиста какие-то... – возмущается в ответ она.

– Зато погляди на автора, – киваю я на пульт – рядом, уронив голову на руки, сидит Дылда.

– Стыдно стало, вечерами он лирику рифмует – и весьма неплохую – да выкладывает в Интернете как Вин Куров... а днём такие вот безделицы ваяет – у всякого мозг сведёт...

– ...Но наша сегодняшняя передача не про политику, а про ситуацию, знакомую каждому из нас: про потерю памяти, – продолжала разговаривать с камерой тет-а-тет Королева. – Всякий раз, когда мы просыпаемся и ищем по всей квартире брошенные вечером носки, мы не помним, куда их положили. Но это просто рассеянность! Что же говорить о людях, которые не помнят кто они, откуда и куда идут. Таких людей по-человечески жаль. Ведь у них нет воспоминаний о своей семье, своём доме, своей работе, своей любви и ненависти – у них нет ничего, это люди без прошлого! Итак, встречаем нашего сегодняшнего героя...

Зал заражается аплодисментами и в студию входит уже весьма располневший на Аниных пирожках склеротик. Королева усиленно тычет ему на правое кресло, однако пациент психбольницы отчего-то садится в левое... Этого никто не репетировал, а ведь правая половина лица Лимарёвой будет подороже левой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.